

Ольга Макарова

Мартовские истории

16+

Ольга Макарова
Мартовские истории

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Макарова О. Д.

Мартовские истории / О. Д. Макарова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Три разные, но связанные между собой истории об одной очень интересной девушке, бывшей провинциалке, когда-то приехавшей покорять Столицу. А уж кто кого, в итоге, покорил, читатель волен решать сам...

© Макарова О. Д., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Интервью

Глава 1

Утром можно расслабиться, можно даже проспаться: начальник в командировке, работы пока немного. Уже есть информация по теме, осталось слить всю воду, изложить красиво, чтобы читалось на одном дыхании. Стоило зацепиться за идею, как мысли оттолкнулись и понеслись сами собой, увлекаемые бурной фантазией: «Нам выпало жить среди собственных руин. Покинутые дома, заброшенные города – пустыми глазницами окон они кричат нам: "Власть человека над Природой – иллюзия!". Рано или поздно Она возьмет свое. Все наши комфортные жилища – дворцы или маленькие квартирki, все они станут ветхими пещерами, в которых замученные природой люди, чтобы согреться и приготовить пищу, будут сжигать в кострах мебель, картины и книги. Все наше наследие будет уничтожено за несколько месяцев: произведения искусства обесценятся, книги будут цениться не больше, чем дрова. Прежде чем обратиться в ничто, природа жестоко унижит нас, чтобы отомстить: за свои истощенные недра, за загаженные моря и высохшие реки, за вырубленные леса, за отравленный воздух, за истребленных животных. Земля не будет долго терпеть: тысячелетия для нее, как секунды, иначе давно уже не стало бы паразитов-разрушителей, возомнивших себя Хозяевами планеты...». Статья почти готова, начало и конец есть, осталось втиснуть в середину размышления, близкие к тематике журнала: «Будет ли жить искусство после Апокалипсиса? Свежие граффити на стенах мертвых городов, говорят: «Да»! Но что если люди приезжают в эти оазисы смерти и создают «наскальную» живопись, повинувшись древним инстинктам – умиловать жестоких богов стихии и разрушения, в надежде спастись? Останется ли надежда, когда весь наш мир будет лежать в руинах?» Работа на день, может на два. А Главного не будет неделю, значит, можно расслабиться.

Утром ее ждало разочарование. Она опоздала почти на три часа и при входе ее встретила, сочащаяся злобной радостью, ухмылка Лолиты Львовны. Мила поняла: «Главный вернулся, и старая коряга уже доложила о моем опоздании...».

Два года назад студентка Мила пришла в редакцию столичного журнала «Декаданс» и каким-то чудом уговорила начальника взять ее в штат. Все бы хорошо, но свободного угла не нашлось. И тогда уважаемая всеми Лолита Львовна, ведущая рубрики классического искусства, царственным кивком головы позволила поставить второй стол в ее кабинете. Они сидели в одной комнате, Мила угощала ее конфетами, Лолита иногда отламывала ей кусочек шоколада, с повышенным содержанием какао и пониженным содержанием сахара, и с видом богача, одаривающего бродягу, протягивала Миле. Девушка вежливо принимала – отказаться, значит обидеть, но есть боялась. А, вдруг, мускулы лица, как у Лолиты Львовны навсегда сведет гримасой отвращения?

Разногласия начались, когда Лолита решила, что уже достаточно прикормила птичку, и теперь можно воспарить над ней коршуном. Она лезла всегда и везде: придиралась к лексике, высмеивала формулировки и описания и, наконец, просто унижала за малейшие ошибки и опечатки. Девушка терпела довольно долго, она не хотела конфликтовать на работе, ведь в этом кабинете, рядом с этой старухой, она проводит большую часть своего дня. Но все обиды, что долго копятся внутри, рано или поздно вырываются наружу, рождая ураганы истерик и трехэтажных слов. И однажды, не дослушав очередное монотонное нравоучение, Мила выхватила у старухи статью, скатала листы в трубочку, и начала колотить по черному шиньону, который Лолита красным пластиковым бантом цепляла себе на макушку, чтобы прикрыть плешь. Та сначала даже растерялась и несколько секунд не двигалась, удивленно таращила круглыми глазами на обидчицу, но потом вскочила и с несвойственной ей прытью понеслась в кабинет начальника, отсвечивая голой плешью. «Людмила, немедленно ко мне!»: через весь коридор пролетел тогда свирепый рык главного редактора.

Сегодня Главный приоткрыл дверь кабинета и гаркнул ей в спину: – Людмила, через десять минут зайти! – девушка даже вздрогнула от такого совпадения.

Она вошла в приемную, секретарши не было, дверь в кабинет была открыта. Павел Сергеевич читал и правил что-то своим красным фломастером, нависая массивным телом над черным столом, почти уткнувшись носом в широкую толстую столешницу. Мила три раза постучала по дверному косяку:

– Можно, Пал Сергеич? – Входи, – не отрываясь от чтения, бросил он.

Она села на стул у стены и стала нервно ждать. Вроде бы, она ничего такого не сделала, ну да опаздывает часто, но ведь работу сдает в срок. И темы сама себе находит, в отличие от других. Все равно в этой холодной комнате с огромным окном, наедине с этим странным угрюмым человеком, которого в редакции прозвали Полтергейст не только за созвучное имя – отчество, но и за «демонический» взгляд черных глаз; она чувствовала себя неуютно и беспокойно, хотя его власть над ней не была безграничной. Да он может уволить, да работа в «Декадансе» ей нравится, несмотря на конфликт со старой цербершей с красным бантиком. Сейчас трудно найти хоть какую-нибудь работу в периодике, а здесь она пишет о том, что ей интересно, работа спокойная, чистенькая, и ей хорошо платят. Хватает, чтобы снимать квартиру, неплохо жить и даже ежемесячно отгружать некую сумму на банковский депозит. «Интересно, откуда у журнала такая прибыль при таком маленьком тираже и минимуме рекламы?». Но ведь жизнь не кончается с потерей работы, да и ни к чему опасаться раньше времени. Почему же тогда ей так страшно здесь и сейчас?

Мила подняла глаза: пока она, глядя на серое пасмурное небо за окном, обдумывала свои ощущения, Главный закончил свое чтение и теперь молча смотрел на нее тяжелым пристальным взглядом.

– Дисциплина у тебя хромает, – сказал он, наконец, разрушив напряженную тишину. – Я тебя предупреждал.

Она не подобрала лучшего ответа, чем кроткое внимательное молчание.

– Над чем сейчас работаешь? – выдержав паузу, мрачно спросил Полтергейст.

– «Мертвые города постапокалипсиса», – медленно произнесла Мила, растягивая слова, как будто старалась придать большую значимость своей теме.

– Срок? – мрачно протянул Павел Сергеевич, не клюнув на ее наивную уловку.

– Два – три дня, – ее неуверенный ответ был больше похож на вопрос.

– Дальше что? – он откинулся на широкую спинку своего черного кожаного кресла и сощурился.

– Я думала, что-нибудь о художниках-мистиках. Параллели, точки пересечения в жизни, в творчестве, в смерти. Босх, Дали, Шагал – пока еще только идеи, ничего конкретного, может...

– Значит так, – он резко обрубил ее слова, – Мне все это надоело! Я не хочу, чтобы Лолита Львовна отвлекала меня своими жалобами. Ты не смогла с ней ужиться, так я просил не давать ей повода, ты мне обещала, но не держишь слова. Работа для меня – второй дом, и мне не нужен гадюшник в моем доме. Я решил уволить, – не закончив фразы, Полтергейст снова взял паузу. Людмила замерла, внутри нее на тонкой ниточке повисла стопудовая гиря обиды и жалости к себе, ниточка вот-вот лопнет, и эта тяжесть упадет и раздавит ее.

– Одну из вас, – он договорил. Гиря так и осталась висеть внутри, только тонкую нитку укрепили провололочкой надежды, может, еще удастся вытащить и снять этот груз?

– Расклад не в твою пользу, – Павел Сергеевич нахмурился, густые черные брови сошлись у переносицы, – Сейчас все поставлено на поток, включая образование. Количество в ущерб качеству. Таких, как ты, скоросляпанных журналисток из многочисленных учебных заведений типа «обо всем понемногу и, в итоге, ни о чем» сотни, и всем нужна работа. У Лолиты Львовны

за плечами университет с безупречной репутацией, старая школа письма. Да, витиевато порой, громоздко, но все же в ее работах есть лоск, отточенный стиль.

– К тому же, она Ваша двоюродная тетка, – это были мысли вслух – терять уже нечего.

– Верно. И я бы не сомневался ни секунды, и не стал бы начинать с тобой этот разговор, и пускаться в такие кудрявые объяснения, если бы не видел в тебе талант! – он тяжело поднялся из кресла, вышел из-за стола и, скрестив руки за спиной, зашагал по комнате.

– Я ждал, когда же ты себя проявишь! Но зачем же? Все и так легко дается, зачем напрягаться? Включила свое излюбленное: «А что если?», накидала мыслей, нагнала тумана и всем нравится! И самой, главное, нравится! И строчит по одному и тому же шаблону. С фантазией у тебя все в порядке. Потому я и позволил тебе самой выбирать темы. Но сколько ты еще будешь хватать чужое, перерабатывать и выдавать за свое? Понятно, что большинство не увидит и не поймет. Мысль, сказанная по-новому, для многих выглядит свежей, иначе бы не было разных книг с одинаковыми сюжетами. Зброшенные города, мистика Дали и Босха, все это было, уже много раз было. Пережевано сотнями челюстей. Нужен взрыв, а не осколки.

И тут Мила взорвалась: – Павел Сергеевич! – закричала она, вскакивая со стула, – К чему эти пламенные речи?! Решили уволить – увольняйте! Не надо меня жалеть! Мне все понятно. Она ваша родственница, и будь я даже Эйнштейном, мне не работать больше в «Декадансе», – Мила заплакала и хотела убежать, но Полтергейст преградил ей дорогу.

– Иди, сядь на место! – велел он.

Мила повиновалась, после истерики у нее наступила апатия.

– Ты пока еще не уволена. У меня работа для тебя. Интервью. Погляжу, как сделаешь.

– Но интервью – Тонина работа. Ее хлеб...

– Во-первых, – грубо оборвал ее босс, – Ты не в том положении, чтобы обсуждать мои задания! Я лучше знаю, кому и что давать. Во-вторых, не беспокойся за мою дочь, она без хлеба не останется. Ладно, к делу, – сказал он тоном, не терпящим возражений. – Прочти, – он вернулся на место и кинул ей свою газету.

Это был разворот, давно канувшей в лету, скандальной газетенки. Подобные издания изобилуют сенсациями – что ни заметка, то научная революция или следы инопланетного вторжения. Среди прочего Миле бросились в глаза два особенно нахальных заголовка: «Терминаторы идут! Женщина из села Обухово родила киборга» и «Кошка из Затопинска разговаривает на семи языках с французским акцентом».

Мила расхохоталась: «У кого интервью брать? У киборга или у кошки?». «В правом нижнем углу»: – мрачно ответил Полтергейст. Девушка убрала ладонь и увидела небольшой столбец, обведенный красным фломастером редактора. Сразу под названием «Две субстанции» шли строчки о том, что польская пианистка Злата Войцеховская сделала научное открытие, в котором описала, что душа человека состоит из двух субстанций – черной и белой: «При жизни они едины, но постоянно борются между собой, как добро и зло. После смерти белая субстанция улетает на небо и сливается со всеобщим светлым духом, а черная субстанция продолжает цикл, ей дается новое рождение, в котором она должна искупить все свои грехи. Она живет и своими поступками снова делит себя на две субстанции – белую и черную, потому что даже самый злой человек хоть раз в жизни делал добро. Когда на Земле не останется черных субстанций, человечество сольется в единый Божественный Дух, которому будет позволено создать свой мир» – чем дальше Мила читала, тем больше у нее болела голова. Но бредовые гипотезы пани Войцеховской все не кончались: «Есть еще и серые субстанции, так называемые, призраки, черное и белое в них так тесно перемешалось, что уже невозможно отделить одно от другого, пока не произойдет что-нибудь экстраординарное» – что именно Злата объяснять не стала. «Серым субстанциям нельзя на небо и они не получают нового рождения, они остаются на земле и очень опасны для всех живущих!» – на этой тревожной ноте заметка заканчивалась. Людмила вздохнула с облегчением, отложила газету и вопросительно посмотрела на Главного.

– Я искал пани Злату в Польше, но мне сказали, что госпожа Войцеховская месяц назад уехала в Россию, а точнее, в Санкт-Петербург.

– Павел Сергеевич! – девушка не могла скрыть своего удивления: – Вы что всерьез считаете, что вся эта спиритическая чушь заслуживает внимания? Может быть и покажется кому-то интересным, но ведь наш журнал не об этом! Да где Вы вообще взяли этот хлам? – она схватила газетный лист и потрясла им перед редактором.

– Моя мама решила заново оклеить комнату. Она все делает по старинке, ободрала обои, приклеила на стену старые газеты и стала ждать, пока клей высохнет, а тут я зашел, и прямо из коридора на меня госпожа Войцеховская смотрит. Они поместили на обложку единственного реального человека из всех упомянутых ими. Я не придавал этому значения, пока случайно не наткнулся на заметку о субстанциях, – он остановился и с минуту пристально смотрел в окно: серое предосеннее небо по краям начинало темнеть, словно кто-то с двух сторон медленно сворачивал лист небосвода. Не отводя взгляда, он начал медленно читать стихи:

« На черном озере – черные волны.
Сюда прилетают белые лебеди.
Белые лебеди станут черными,
Черные лебеди – черными волнами...»

– Черное озеро, – сказала Мила, когда Полтергейст закончил, – Очень известная песня. Я слышала с десятков ее версий на разных языках. Рок, опера, попса.

– Может быть, тебе известно, кому принадлежит авторство?

– Нет. Но думаю, это оперная трактовка. Скорее всего, музыку написал Григ. Такая мрачная и таинственная, но в то же время манящая и легкая мелодия. Современные музыканты, не стесняясь, воруют у классиков.

– Нет, это не Григ. Это «Черные Волны». Таинственная группа, стоявшая у истоков направления, которая так и не дала ни одного концерта. Они просто исчезли накануне своего первого выступления. У организатора того концерта остались репетиционные записи, в ужасном качестве, так, словно, кто-то хотел стереть их, но не стер до конца. Только две песни удалось кое-как восстановить: «Черное Озеро» и «Река будет течь». И вот что самое интересное: даже эти записи невозможно найти, их нигде нет. Эти песни стали хитами, но никто не знает настоящих авторов. Я хочу восстановить историческую справедливость. Это будет настоящая бомба!

– А как же так получилось? – Мила позабыла недавние огорчения, и отбросила свою иронию. – Откуда же тогда современные исполнители взяли музыку и текст?

– Говорят, что остались записи с заявки на музыкальный фестиваль... Все остальное надо выяснить у госпожи Войцеховской, которая во времена своей бурной молодости была в составе «Черных Волн».

– Но что может рассказать эта сумасшедшая? А другие участники группы?

– Пропали! Никто их не видел и ничего о них не слышал, никто не знает их имен. Нет даже фотографий! Тайна, покрытая мраком. Осталась только пани Злата, – Павел Сергеевич массировал ладонью лоб, а это значило, что он хочет что-то сказать, но не может подобрать нужных слов.

– Мила, – наконец выдал он, – Я должен тебя предупредить! С госпожой Войцеховской уже пытались пообщаться, но она ни разу не дала интервью по этой теме. Потом скрылась из поля зрения. Прошло лет двадцать, наверное, она решила, что все уже забыли, кто она такая, вот пани Злата и выплыла со своими «Субстанциями». Мила, возможно, конечно, совпадение, но люди, пытавшиеся разговаривать Войцеховскую, в данный момент они все, – он оттягивал конец фразы, но Мила уже все поняла:

– Приказали долго жить? Вот почему это интервью досталось мне, а не Тоне.

– Да, то есть, нет, – Главный был в смятении, – Я бы и тебя не послал, я бы сам поехал, но у меня есть предчувствие, что только у тебя может получиться. У тебя же дар убеждать! Я, ведь, тоже не собирался тогда брать студентку на работу... Ты согласна?

«Такой шанс выпадает редко: – подумала Людмила, – Это очень интересно! Но и очень сомнительно, слишком невероятная история, хотя, с другой стороны, чего не сделаешь, чтобы Лолита Львовна исчезла с горизонта».

– Да, – сказала Мила, представив себе, какое лицо будет у старухи, когда она узнает, что уволена.

– Молодец! – бодрым голосом воодушевил Полтергейст. У Лолиты Львовны статья о Русском музее. Завтра полетите вместе.

Глава 2

Она, как всегда, проспала. Вчера вечером дала себе слово встать пораньше, принять бодрящую ароматную ванну, тщательно накраситься, уложить волосы, подобрать костюм. Задание важное, нужно быть готовой ко всему, нужно чувствовать себя уверенно. Но утром полтора часа сна оказались важнее. Да ладно, что она и так не хороша? Волосы несвежие, распустить нельзя – намочить водой, гладко зачесать, собрать в высокий хвост и густо залить лаком для волос. Темные блестящие гладкие волосы и яркая помада, красotka – Кармен! Очень дорогая тушь за три минуты сделает и без того черные ресницы густыми и длинными: красивые выразительные глаза, больше ничего и не нужно. Длинные серьги гирлянды из темного янтаря, чтобы оттенить ореховый цвет глаз. Костюмы гладить некогда, но в шкафу висят два черных платья из немнущегося трикотажа. Одно на себя, одно с собой. Декольте и завышенная талия подчеркивают достоинства и скрывают недостатки фигуры. Длина платья чуть ниже колена не выглядит вызывающе, но и не скрывает ровные стройные ноги. Девушка оглядела себя в зеркале прихожей и осталась довольна: «Элегантно и просто, и в пир, и в мир».

Когда она приехала в аэропорт, регистрация уже началась. Мила уныло встала в конец длинной очереди. Ближе к стойке маячил красный пластиковый бантик. «Хорошо, что мы в разных концах очереди, – обрадовалась девушка, – Места рядом уж точно исключаются».

В итоге они оказались в соседних креслах, из чего можно было сделать два вывода: либо теория вероятностей не работает, либо сотрудница регистрации работает по принципу хаотического броуновского движения. Лолита большую часть полета сидела с поджатыми губами, отворачивалась, кривилась, демонстративно молчала, но уже после посадки не выдержала: «Я знаю, зачем он тебя послал! Я все слышала. Так вот, у меня связи в этом городе, мне помогут, и я сама возьму у нее интервью! Возвращайся в редакцию и собирай вещи!»: она кипела от злости и брызгала словами, как масло на раскаленной сковороде. Мила не удостоила ее ответом, но благодаря этой гневной тираде ей пришла на ум дельная мысль: не нужно пытаться взять у загадочной Войцеховской интервью, надо предупредить Злату о том, что в город прилетела сумасшедшая старуха, с целью всеми правдами и неправдами разговорить ее. Лолита Павловна не замедлит подтвердить это своими действиями, и Мила завоюет доверие польской «провидицы». И аккуратно, исподволь, интересуясь «субстанциями» она выведает то, что нужно. Ведь в настоящем всегда прячутся «субстанции» прошлого.

Ну и все. Она прилетела. «Куда идти? Что делать? Ей известна гостиница, она может узнать номер. А дальше что? Придет и постучит в дверь и с порога: «День добрый! Я пришла предупредить Вас...» Чушь! Она даже не знает, говорит ли панночка по-русски». Пока ехала на такси из аэропорта, пыталась придумать более верный способ знакомства, но водитель включил радио, и солист известной финской поп-рок группы на английском языке с модной мрачностью и слезливостью в голосе запел:

«There are black waves on the black sea.
Snow-white swans come to that place.
Then snow-white swans become black swans,
And black swans become black waves.
There are black stones on the ground:
The debris of the broken heart.
There are black pines all around.
And there is black sun in black depth.
The boat is drifting through the waves
To endless expanse of black sky
In these black clouds I see you face.

My lovely black swan, you'll be mine!»

«Это знак, – подумала Мила, – У меня получится! Я сейчас же поеду к ней!».

Используя все свое обаяние, всю свою находчивость и две тысячные купюры, Мила узнала, что пани Злата остановилась в двухместном полулюксе на третьем этаже и сегодня еще не покидала номер.

Девушка аккуратно постучала и, не дождавшись ответа, почти что прокричала две заготовленные фразы. Никто не ответил. Она еще три раза с силой бухнула в дверь, дверь затряслась, но ответа опять не было. – Ну как хотите! – с досадой сказала она, – Вам же хуже будет! Ответом на ее угрозу было молчание, Мила разочарованно вздохнула и собралась уходить, как вдруг услышала за дверью шаркающие шаги и недовольное ворчание: «Всем что-то нужно от меня!».

Мила моментально оказалась на прежнем месте у двери, дернула ручку, и заговорила, быстро и громко: «Откройте, пожалуйста, я хочу предупредить Вас!».

– Уходите! – гневно зашипел женский голос с акцентом.

– Я хочу помочь!

– Тише! Не разбудите ребенка! – дверь приоткрылась, – Много вас, таких помощников! Я знаю, никто и ничего не делает просто так, – в проеме двери показалась очень худая и высокая пожилая женщина с пепельно-белыми крашенными волосами, закрученными на мягкие розовые бигуди. На выцветших голубых глазах тонкие изящные очки в серебряной оправе, одета в черное шелковое кимоно с крупным узором из светло-кремовых лилий. Она свысока грозно смотрела на девушку и молчала.

– Госпожа Злата, – взмолилась Мила, – Вы правы, я не случайно решила помочь вам, я надеялась, что и Вы дадите мне совет! Я попала в беду! Меня преследует субстанция из прошлого. Это невыносимо, я схожу с ума, я уже готова была наложить на себя руки, но мне попала ваша статья! Если Вы знаете, то умоляю, скажите, что нужно сделать, чтобы избавиться от этого? Я не богачка, но я готова хорошо заплатить, лишь бы Это перестало мучить меня! – Людмила рыдала, рвала на себе волосы, прятала лицо в ладонях, и, наконец, рухнула перед Войцеховской на колени и с обреченной грустью и мольбой заглядывала ей в глаза и думая: «А, ведь, при благоприятном стечении обстоятельств, могла бы стать драматической актрисой».

– Мама, кто это? – недовольный сонный голос, принадлежащий, скорее всего, молодому мужчине, прервал эту сцену.

Пани утратила всю свою надменность, повернувшись к источнику голоса, она заговорила мелко и быстро: – Нет, нет, спи!

Перед тем как захлопнуть дверь, она бросила девушке: – Ждите через двенадцать минут в холле.

Мила упала на мягкий кожаный диван в вестибюле и тот час же поняла всем телом, как она устала. Ранний подъем, дорога в аэропорт, регистрация, посадка, перелет рядом с Лолитой, дорога из аэропорта, спектакль, разыгранный только что. Она не знала, чего ей хочется больше: поесть-попить или поспать-помыться...? Но Мила заставила себя забыть о потребностях тела, заставила себя радоваться даже тому, что здесь есть такой удобный и гостеприимный диван. Хорошо откинуться на его надежную спину, вытянуть ноги и полчаса отдыхать, просто наслаждаясь его покоем. Однако, «Двенадцать минут» оказались не сорока минутами, как предполагала Мила, а двадцатью двумя. «Забавно, – подумала девушка.

Ровно через двадцать две минуты госпожа Войцеховская с жутким «Вавилоном» на голове, в черных очках, в черном мини платье и высоких лаково-черных ботфортах на длинной острой шпильке царственно промаршировала из лифта к дивану: «Нам выпало жить в страшное время! – сказала она обалдевшей от такого экстравагантного появления девушке, – Черный век – в людях почти не осталось света. Божественный Дух все тоньше и слабее с каждым днем, и скоро он не сможет противостоять Великому Хаосу! Наш мир обречен!» – всем этим она

окончательно выбила Милу из колеи, девушка не знала то ли ей плакать, то ли смеяться. «Пани Злата, вы уже завтракали?»: – все, что она смогла выдавить из себя в ответ на проповедь готической Королевы «Субстанций».

В ресторане было темно и прохладно. Играла тихая музыка. Мила, наконец-то, смогла умыться холодной водой, и чувствовала себя более свежей, но спать все равно хотелось, спасала только игра с воображением – словно со стороны следила она за собственной придуманной историей:

«Его звали Иванко Бавич. Мы познакомились три года назад в Черногории, где я отдыхала. Я была еще такой молодой и неискушенной, а он опытный курортник-ловелас. Знойный красавец, работал гидом. Я сама бегала за ним, вешалась ему на шею, говорила, что жить без него не могу, что хочу за него замуж, забрасывала его стихами о вечной и бесконечной любви, но он только иногда снисходительно соглашался провести со мной ночь. Следующую же ночь он мог провести с какой-нибудь стареющей немецкой фрау, похожей на полудохлую лошадь, ему было не принципиально, а я только удивлялась: «Зачем, ведь есть я? Молодая, красивая и готовая на все!» В общем, я совсем помешалась, мне казалось, он моя единственная любовь, моя судьба. А ему так надоела моя навязчивость и мои истерики, что он стал избегать меня, перестал даже спать со мной. Всю зиму я забрасывала его жалобными электронными письмами, посылала свои фотографии, чтобы он не забывал меня. От него пришло только поздравление с новым годом. Три слова: «Happy New Year!» Но я была счастлива, мне казалось, что это знак – он не может меня забыть и ждет меня следующим летом. Я еле дотянула до теплых дней, а когда, наконец, снова приехала в тот же отель, то оказалось, что Бавич там уже не работает. Уволился буквально накануне. Вот это был удар! Три дня из четырнадцати отпущенных мне по путевке я ходила, как в воду опущенная...». Мила прервалась, чтобы оценить впечатление, произведенное ее рассказом. Пани полячка не допила кофе и не доела свой второй круассан с шоколадом, и, хотя Злата, несмотря на полумрак ресторана, не снимала темных очков; по ее напряженным губам было видно, что она слушает очень внимательно: иногда даже проговаривает про себя отдельные слова.

Девушка продолжала: «...И никакой надежды. Я скандалила, просила, умоляла, врала, что беременна от него, но в администрации отеля мне не дали ни телефона, ни адреса. Все, что у меня было – его фотография, ее то я и поливала денно и ночью горячими слезами. Одна сердобольная тетушка прониклась моим горем и взялась лечить меня от тоски вином и зрелищами. «Тебе нужно встряхнуться!»: сказала она и записала нас на экскурсию в какой-то древний городок-крепость. Я не помню ни названия городка, ни как мы туда ехали: у тетушки была с собой двухлитровая бутылка вина, предусмотрительно набранная в лобби отеля. Помню узкие улочки, по которым ходила, как в бреду, и носила рядом с собой мятую замызганную фотографию моего красавца. Мне казалось, он рядом, где-то здесь, в этом полуразрушенном лабиринте. Вот-вот он завернет за угол, куда повернула я, и мы встретимся. Вот счастье то будет! Любовь, слезы, поцелуи! Тут-то меня и сцапала та старуха. Вся черная высохшая, согнутая пополам, но удивительно сильная, она взяла меня за руку и потащила по каким-то тесным переулкам, где пахло помоями. В конце концов, мы подошли к низкой арке, в которой были высечены каменные ступени, ведущие вниз к морю. Согнувшись в три погибели, я безропотно спускалась вслед за старухой...». Девушка поймала себя на мысли, что ее история уже живет собственной жизнью, Мила понимала, что пора заканчивать, но еще не совсем понимала, чем все это закончить. Как это часто бывало, рассказ бежал впереди нее: «... Мы очутились перед старой деревянной дверью. Каморка старухи была устроена в самом основании крепости, словно какой-то великан выдернул оттуда несколько крупных камней. Снаружи нещадно палило солнце, и воздух был таким горячим, что трудно было дышать, а внутри старухино жилища царил крошечная тьма и холод с запахом тлена и сырой плесени. Она выцарапала у меня из рук фото и, шепча что-то себе под нос, проткнула мне кривой иглой палец, а потом

всадила окровавленное острие прямо в сердце на фото Иванко. После бабка Кушка, так она назвала себя, подожгла фотографию, собрала пепел и заставила меня съесть его... Очнулась я в автобусе: мне сказали, что со мной случился удар, потому что я слишком много выпила на такой жаре. Бодрая тетя Даша тормошила меня за плечо, желая показать мне сувенирный хлам, приобретенный для многочисленных замшелых родственников. Пока я приходила в себя, перед моими глазами пестрой вереницей проносились цветастые футболки с кричащими надписями, тарелки с весьма приблизительными копиями местных красот природы, и, под занавес «триумф» – резиновые тапки всех размеров с глупыми кошачьими мордами на носках. Пару «кисок» сердобольная тетенька Маша оторвала от себя и отдала мне: пока я валялась без сознания, меня ободрали как липку – ни денег, ни украшений, даже туфли с ног сняли. Я бы поверила в солнечный удар, бабка Кушка и впрямь была похожа на кошмарную галлюцинацию, но вечером в отеле меня ждал мой кумир...

Десять дней дикой всепоглощающей страсти – мы даже из номера почти не выходили: только поесть. Когда я улетала, он, чуть ли не за самолетом бежал. Приехала, а у меня в электронном ящике сто тридцать пять писем от него: «Люблю, не могу; приезжай или я приеду; выходи за меня замуж и т.д. и т.п.». Дня два я в эйфории прибывала: «Свершилось!», а потом мне все это надоело, как будто отпустило, и я поняла: «Не любовь это, не нужен он мне». Даже брезгливость какая-то появилась, вспомнила, с какими табунами престарелых динозаврих он перепасся. Я ему и написала: «Прости, мол, наша связь была ошибкой, забудь меня, не звони и не пиши, я полюбила другого!». Ну а потом узнала, что он повесился, получив мое письмо. От него же самого и узнала. Ты, говорит, меня привязала, теперь не отвяжешься! Страшный такой – синий весь, глаза выпучены, язык до шеи болтается: «Иди, говорит, поцелую». Спать вообще не могу – просыпаюсь ночью, а он или лежит рядом, меня обнимает или того хуже: сверху наваливается».

Злата с невозмутимым видом допила свой кофе: – Я не могу тебе помочь, – протянула она с ударением на первое «о». Ты сделала грех, ты должна платить, должна искупить.

– Но я была такой глупой, я не понимала. Помогите! – великая актриса и рассказчица Мила Мартова жалобно всхлипнула.

– Поможем, – бодро сказал узнаваемый низкий голос за спиной девушки. – Мама сама не без греха, – «ребенок» на вид лет двадцати пяти опустил на стул рядом с Милой и весело подмигнул панночке: – Мам, закажи пожрать! Потом он повернулся к девушке: – Давайте знакомиться. Вас как зовут?

– Людмила Михайловна, – от растерянности Мила перешла на официальный тон.

– Ух, ты! – ехидно восхитился «ребенок», – И отчество есть. А меня зовут Данила, Даниэль, или просто Даник, потому что моя мама отчества точно не знает. Но, думаю, мама уже начинает догадываться. Мне временами кажется, что я ей кого-то напоминаю, кого-то очень страшного. Да, мам? – Войцеховская сидела, опустив голову, и молчала.

– Зовите меня просто Мила, – девушка улыбнулась. В его показной иронии, в угрюмом взгляде глубоко посаженных серых глаз из-под высокого выпуклого лба, она распознала интерес к себе. Его внешность была притягивающей и отталкивающей одновременно. Эта противоречивость зацепила ее, такого с ней еще не было. «Панычи попались. Это будет совсем несложно»: подумала она, но тут в ресторан в сопровождении двух сотрудников охраны вошел черный шиньон с красным бантиком.

– Это она! – завопила тетушка Лолита, указывая охранникам на Милу. Она привезла сюда бомбу и попытается взорвать конференц-зал отеля, прямо во время международного семинара. Задержите ее!

Глава 3

From<MilaMartova>to<PavelS.Steyger>

Тема: Отчет о работе с 20 по 25.08.

Добрый день! Мне, кажется, удалось войти в доверие к госпоже Войцеховской, не буду пока рассказывать как – у меня свои методы, и уже есть результаты, но Лолита Львовна развернула против меня настоящий «Крестовый поход». За прошедшие несколько дней с ее легкой руки меня задерживали по подозрению в международном терроризме, в покушении на убийство и торговле наркотиками. Поначалу меня забавляло ее поведение, но вся эта беготня по различным учреждениям отнимает много времени и денег. Павел Сергеевич, не знаю, как Вы это сделаете, но уймите вашу тетушку!

Мы вынуждены были переехать из отеля, так как пани Злата очень удручена назойливостью тети. Не пишу свой новый адрес, потому что опасаясь, что эта информация может каким-то образом попасть в ее руки. Не то что бы я Вам не доверяла, но очень уж длинные они – эти руки. Прошу пополнить баланс командировочной карты, так как не могу пока определить срок окончания работы. Как я уже говорила ранее, благодаря стараниям Лолиты Львовны почти все средства с карты ушли на взятки «лицам при исполнении». И теперь мне приходится из собственных денег оплачивать жилье и ежедневные потребности панночки. Так надо для дела! Пани Злата самоотверженно ищет способ избавить меня от навязчивой «серой субстанции». Она пытается войти с ней в контакт, и узнать: Чего надо? Но пока безрезультатно, ведь «субстанция» всего лишь плод моей фантазии.

Теперь о самом деле: у пани Войцеховской есть взрослый сын. Рассказывает он о себе исключительно в высоком жалобном стиле. Но если перефразировать весь этот «непередаваемый трагизм жестокой судьбы», то рос он в детдоме Ленинградской области, и не знал и не ведал, кто его родители. В семнадцать лет уехал в Питер, работал, снимал квартиру на пару с девушкой из детдома. Девушка нашла себе приятеля музыканта, шатался с ними по разным сомнительным мероприятиям, заводил «друзей», курил, пил, развлекался – так незаметно и прожил в городе семь лет. Мечтал о любви и о выгодной женитьбе на красивой и порядочной девице с квартирой, но среди его знакомых дам такого редкого сочетания не наблюдалось: либо красивая, либо порядочная, а уж если с квартирой то и некрасивая, и непорядочная. От всего этого он впал в глубокий душевный кризис, проводил время в дурмане и горьких раздумьях: то ли ему стать таким, как все и согласиться на меньшее, то ли покинуть этот жестокий мир, где его не поняли. В тоске проявилась музыкальная наследственность, стал писать слезливые и мрачные песни обо всех своих страданиях. Сколотил из своих знакомых группу «Черный День», и они начал выступать со своим «оригинальным» репертуаром, у них даже появились сотни две суицидально-настроенных фанатов. Он уже грезил о мировой славе, а тут, откуда ни возьмись, появилась блудная мамочка и говорит: «Даник, не играй с огнем. Это очень опасно!» Почему не объяснила, но впечатлительный сынуля сразу поверил, оставил группу и переехал к маме в отель. То ли пани Злата была так убедительна, то ли внезапная повестка в военкомат. Его, конечно, интересует мамино прошлое, сотканное из загадок и тайн, но больше всего в данный момент его волнует, кто его отец. То, что это кто-то из музыкантов, он не сомневается: его с детства тянуло к подобным людям, да и мамочка вроде бы это не отрицает, но и не называет конкретных имен, переводит разговор на «субстанции». Ругаются сынуля с мамой почти что ежечасно, точнее, он упрекает ее, а она все больше молчит. Но ему все же удалось узнать, что его мама в молодости училась в Ленинградском Музыкальном Училище. Наверное, там и познакомилась с папой, а плод этого знакомства, сдала в детдом, дабы не обременять дальнейшую жизнь ошибкой юности. Может быть, гипотетический папа тоже имеет отношения к

таинственной группе? Завтра мы с сынулей собираемся наведаться в «историческое» место, втайне от мамочки.

Кажется, Даник увидел во мне свой идеал красивой порядочной и богатой девушки, а я усердно подыгрываю, и мне очень даже удается. Кроме того, я не устаю восхищаться его «гениальным» творчеством и жалеть о его нелегкой судьбе, за что сынуля бывает порой очень откровенен со мной. Недавно он признался, что пани мама арендует сейф в каком-то Питерском банке, якобы, он случайно увидел у нее в сумочке счет за эту услугу. Даниэль уверен, что там, наряду с приличной суммой в евро, хранятся еще и ответы на все его вопросы. Теперь он занят тем, что придумывает способ добраться до «острова сокровищ» в обход мамочки, потому что та – ну ни в какую не хочет раскалываться.

Как Вы уже, наверное, поняли из моего письма, я и не стараюсь взять у Войцеховской интервью. Я считаю, что обходная тактика, избранная мной, в итоге, окажется более действенной. Пани Злата, по-моему, уже считает меня своей невесткой, поэтому позволяет себе иногда расслабиться вместе со мной, и, как женщина женщине, говорит мне то, чего не рассказывает сынуле. Иногда мы берем в местном «супермаркете» сливовую наливку, банку маринованного салата и коробку шоколадных пирожных. Когда бутылка подходит к концу, пани мама забывает о своих «субстанциях» и начинает жаловаться на тяжелую судьбу (видимо, это семейная черта), заклиная меня, не повторять ее ошибок: «Я всю жизнь любила только одного человека, а Он меня не любил! Зато двое меня любили, так любили! Да можно сказать, это был один человек – близнецы, совершенно одинаковые. Конечно, я тоже их по-своему любила, но это была простая плотская любовь. А мне хотелось Неземного Чувства, и только Он мог подарить мне его, но Он меня не любил. Я, как и ты, однажды захотела украсть у судьбы счастье, и тоже поплатилась за это! Но в отличие от тебя, мне уже никто не поможет».

Я заметила еще одну забавную причуду в поведении панночки: она помешана на числе два. Все, что она делает – считает, читает, ест – отдавая предпочтение четным числам.

Не знаю, что произошло в этих «Черных Волнах», но, по-моему, не было никакой мистики, просто были очень сложные отношения сумасшедших: «люблю одного, сплю с другим». Наверное, их всех уже тошнило друг от друга, вот они и разбежались кто куда. А судьба корреспондентов, осаждавших нашу пани, может быть просто совпадением. Как выразилась Злата, и тут я с ней согласна: «Нам выпало жить в страшное время!». Странно только, что кроме чокнутой пани, никто так нигде и не засветился. Вряд ли все они предпочли тихо доживать свой век в неизвестности, зная, что их песни стали мировыми хитами. Как бы там ни было, я готова продолжать «интервью». Жду Вашего материального содействия и избавления от тетушки. Буду регулярно информировать о своих успехах.

С уважением, Людмила Мартова.

From <Pavel S.Steyger> to <Mila Martova>

Тема: Re: Отчет о работе с 20 по 25.08.

Здравствуй, Мила! Извини, что сразу не ответил на твое письмо. Я был очень занят. Вчера внезапно скончалась Лолита Львовна. Не знаю, известно ли тебе, но ей тоже удалось найти какую-то важную информацию о «Черных Волнах». Об этом она написала мне накануне своей смерти. Перевел тебе деньги на обратный билет. Возвращайся немедленно! Находится рядом с этими людьми опасно. Того, что ты собрала достаточно для небольшого очерка. Ограничимся этим.

27.08. Штейгер Павел Сергеевич

На берегу залива высокие сосны и белый песок. На берегу залива только солнце, свежий ветер и скрипучие качели. На качелях двое, улетают друг от друга и снова встречаются на секунду. Она увлечена его глубоким голосом, его волосами, танцующими на ветру, его правильным красивым профилем. Он увлечен пустынным пляжем, ветром, скрипучим нытьем старых ржавых качелей, но больше всего собой: «Я всегда знал, что я особенный, не такой как все! Я помню, как однажды в детстве перед сном ко мне пришло это чувство. Долгой зимней ночью я увидел низкое темное небо в окне. В небе снежные вершины гор и черные фигуры деревьев. Я понял – я властелин этого мира: зима принадлежит мне, небо опустилось, чтобы заглянуть в мои глаза, черные древесные исполины стоят на страже моего спокойствия. Во мне зазвучала музыка. Я увидел свое будущее – придет день, когда я стану Великим!» Злата согласно кивает головой: «Она знала, что сможет полюбить только Гения...»

С каждым годом на земле все меньше пустынных пляжей. Даже у северных холодных морей вырастают большие и маленькие жилища для отдыха. Можно плавать в теплом бассейне и смотреть сквозь прозрачную стеклянную стену на далекие и близкие волны. Можно отдыхать взглядом на чистом, ничем не заслоненном горизонте, и вместе с морскими волнами вечно убегать в неведомую даль и вечно возвращаться обратно. Главное, чтобы море было рядом.

Им повезло, погода надолго испортилась, над морем собиралась гроза, и почти все отдыхающие покинули пляжи и вернулись в город. Холл отеля был пуст: оставшиеся постояльцы наслаждались холодным временем, сидя в горячих саунах и у камина в ресторане отеля. Они сняли номера с видом на залив, на берег со старыми соснами и высокой травой, просеянной белым песком. Мила и ее мрачный воздыхатель пребывали в скверном настроении. В Санкт-Петербургском колледже вокально-инструментального искусства (бывшем Ленинградском музыкальном училище) их ждало разочарование.

«Вчера уже приходили по этому вопросу: – резко сказал директор колледжа, – Наглая крикливая старуха. Сказала, что собирает досье на выпускников разных лет для статьи об их карьере и о том, как повлияло увлечение музыкой на их жизнь, и как они повлияли на искусство. Вы, наверное, тоже что-то подобное мне скажете, но только вот у нее было письмо с синим кружочком и подписью заместителя главы по культуре, с рекомендациями всячески содействовать этой «милейшей» женщине...»

Пани Злата страдала от головной боли, после очередного «вечера откровений» она лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, тихо стонала и громко сопела. Даник не пожелал беспокоить мамулю и уговорил Милу посидеть с ним в баре у камина.

– Не расстраивайся, – сказала она, – Так или иначе ты все узнаешь. Эта старуха – журналистка, то, что она нарыла, попадет в статью, которую скоро напечатают. Там, наверняка, и фотографии будут. На маму ты не похож, значит, есть сходство с папой, увидишь – узнаешь. Я пойду к себе, отдохну, переоденусь. Встретимся за ужином, – она оставила его в баре зализывать раны и согреваться глинтвейном, а сама поспешила в свой номер, и первым делом, не снимая мокрой одежды, завалилась на кровать и достала из сумки ноутбук. «Почта, входящие, наконец-то, ответ от Главного!». Она навела указатель и нажала на яркую черную строчку заголовка, а потом долго сидела, всматриваясь в текст письма, словно пыталась разглядеть знакомые буквы. Стук в дверь заставил девушку вздрогнуть:

– Мила, открой, это я, – Голос Даниэля дрожал: – Кажется, мама умерла. Она не дышит.

Глава 4

Он давно заметил, что она часто и подолгу смотрит на него, но стоит ему встретиться с ней взглядом, как она тут же опускает глаза или быстро отворачивается. «Хорошо, – подумал он, – Жаль, только что она такая высокая и нескладная».

Злата была счастлива: из всех пианисток он выбрал ее. Он попросил ее спеть. – У тебя приятный тембр, – сказал Он, – Но голос слабоват. Запишись на уроки вокала, может, будешь подпевать мне.

Мика собирал новую группу. В прежней ему отводилось второе место, а он хотел быть только лидером. Он решил, что опытные музыканты ему не нужны, у них всегда есть собственное мнение, которое может не совпадать с его мнением. Он наберет талантливых новичков, они будут ловить каждое его слово, подстраиваться под него, и все получится. Ему известно, как добиться успеха, ведь он – Гений. Он сам будет писать музыку и тексты, а им будет позволено только воплощать в жизнь его идеи, упорно трудиться, пока воплощение не станет тождественно его замыслу. За это их имена будут вписаны в историю музыки, рядом с его именем, высеченным в камне.

Скоро нашелся ударник, этого первокурсника Мика сразу заметил. Парень тонко чувствует ритм, легко импровизирует, техника немного хромает, но это можно исправить долгими и упорными репетициями. Однако Саша выставил условие: он будет играть только вместе с братом, они близнецы и самого детства неразлучны. Мика посмотрел на его брата и согласился. Паша – гитарист, играет недавно, такого таланта, как у брата нет, но парень старается. Главное, что Паша любит свой инструмент, Мика это сразу разглядел. Микаэль очень трепетно относился к своей Каллио. Черная четырехструнная бас-гитара – его гордость. Когда-то он купил ее серую и безликую, похожую на сотни таких же в тысяче других магазинов. Но его пленил глубокий низкий голос, не похожий ни на один из тысячи, попадающий в унисон с его собственным голосом. Мика, подобно Пигмалиону, сотворил свою Галатею. Каллио по-фински значит скала, ее гладкие лаковые изгибы плавные и крутые, как горные дороги, ее гриф венчает острое, подобное пику вершины, ее колки, как скальные камни, сочетают в себе ровную и острую форму. Ее толстые серебристые струны придают волшебному голосу таинственное бархатное звучание. Каллио стала для него частью недалекой, но потерянной страны. После смерти отца, его мать вместе с ним вернулась из страны Суоми в Ленинград, и через три года снова вышла замуж.

Первая репетиция прошла гладко, ребята сразу сыгрались, но чего-то не хватало. Может быть, добавить фолка, найти флейту или скрипку?

На вторую репетицию Злата пришла с подругой. Девушки делили комнату в общежитии. Злата приехала в Ленинград из захолустной польской деревушки, а Дина попросту сбежала в общагу из маленькой густонаселенной квартирки. Дина была дочерью еврея и цыганки, и подтверждением того, что в жизни случается всякое, а страсть и дружба народов бывают сильнее всех запретов и традиций. Конечно, ее папа в итоге женился не на ее маме, но дочку признал, помогал материально и наградил своей звучной фамилией. Дина Малевич была красива и изящна, как фарфоровая статуэтка. Кроме всего прочего она унаследовала от мамы певческий талант и скверный взрывной характер, а от папы большие хитрые глаза, черные и глубокие как бездна, и шикарные черные волосы, которые мягкими волнами струились по правильному овалу лица, ложились на плечи и текли по спине до самой поясницы. Ее никто не просил, но она никого и не спрашивала, взяла свободный микрофон и стала подпевать, придумывая интересные партии. Злата тут же стушеввалась и замолчала, уткнувшись в свои клавиши. Микаэль тоже замолчал от восторга и изумления. «Такой чистый высокий, и в то же время сильный голос! Ноты звенят, как серебряные колокольчики». Он снова запел, два голоса низкий бархатный и высокий серебряный переплелись, рождая волшебное таинственное звучание, в котором были

вопросы и ответы, пространство и время, тишина и крик. Микаэль понял, чего именно ему не хватает.

Он не мог не думать о ней. Она играла с ним, не подпускала к себе, но и не отпускала от себя. Дина крепко держала его на крючке неопределенности: «Я люблю тебя, и, может быть, я останусь с тобой, но вдруг мне все надоест, тогда я буду кочевать, я же цыганка». Он торопился: «Нужно записать альбом, пока Дина не передумала. Как только его песни увидят свет, к нему придет слава, и Дина уже никуда не денется...»

Злата даже не различала их. Близнецов это устраивало, они с детства привыкли все делить пополам. Она знала, что таким способом она не вызовет в Нем ревности – Дина полностью завладела Микой. И все же ей хотелось показать Ему, что и она может нравиться, что и ее тоже можно любить. Злата злилась на подругу, но не за то, что Дина была с Микой. Таков уж Микаэль, его чарам невозможно противостоять. Злата осуждала Дину за то, что она заставляет Его страдать. Бедный Мика, он так боится потерять ее, он посвящает ей свои песни, а она совершенно не ценит этого и только забавляется. Как бы Злата хотела быть на месте Дины, рядом с Ним!

Раздражение пульсировало в голове и отдавалось болью в сосудах. Злата решила пропустить занятие, ей надо отдохнуть: она должна быть бодрой и хорошо выглядеть вечером на репетиции. Девушка провернула ключ в замке и сильно толкнула дверь. Внутри натянулась цепочка, готовая вот-вот выскочить из петли.

– Златик? – Дина была удивлена, – Ты чего здесь? Я думала, ты на лекции. Я не одна, я с...

– С Микой? – Злата не дала подруге договорить.

– Нет, – полуголая Дина ехидно хихикнула. – Подожди минут десять в холле, я выпровожу гостя и все тебе расскажу.

Злата бежала к автобусной остановке: «Так нельзя, Он должен все узнать». Она не помнила, как добралась: на чем ехала, как долго шла через пролесок к берегу залива, пока не нашла нужный ей домик среди других маленьких и больших домов. Голова была занята только одной мыслью: «Микаэль должен скорее узнать правду».

Но он уже знал. Он открыл ей дверь и молча впустил запыхавшуюся девушку в дом. В комнате повсюду, как белые хлопья снега, лежали порванные на мелкие кусочки стихи и ноты. Часть из них улетела через настежь распахнутое окно во двор. Кассеты с записями репетиций были выпотрошены: смятые и растоптанные клубки лент от дуновения ветра катались по полу, как пережаты поле. Каллио валялась тут же на полу избитая и растерзанная, с покореженными струнами и глубокими сколами по всему корпусу. Девушка в ужасе закрыла лицо руками. Микаэль посмотрел на нее безумным взглядом и сказал горячо и убедительно, больше для себя, чем для Златы: «Это все фальшивки, подделки. Нам этого не надо! Нельзя писать песни о том, чего не пережил, а я ее не любил, никогда не любил! Теперь я знаю! Все так быстро закончилось, значит, ничего и не было. Любовь не проходит, иначе это не любовь. Ее больше не будет с нами. От нее ничего не останется, даже воспоминания, даже голоса на пленке. А еще напишу настоящие песни».

В маленьком домике на берегу залива гордый Микаэль рыдал, уткнувшись в колени верной Златы, которая одновременно жалела его и радовалась, что оказалась в нужное время в нужном месте.

На берегу залива высокие сосны и белый песок. Солнце быстро садится в вечернее море, ветер улетел, и скрипучие качели затихли. На качелях двое, всматриваются в исчезающее за горизонтом солнце, ждут темноты, но она не приходит. «Я не хочу быть один сегодня: – говорит он, не поворачивая головы. – Я боюсь тишины белых ночей. Ты останешься со мной?».

Прошел уже месяц, с тех пор как Дина Малевич покинула «Черные волны», и также, не попрощавшись, съехала из общежития. Дина не появлялась и в училище. «Ей, наверное,

очень стыдно»: – думала Злата. Репетиции шли полным ходом, они готовились к своему первому выступлению. Мика написал новые песни, не похожие на предыдущие: тяжелые и мрачные, но такие мелодичные и красивые. Каким-то чудом ему удалось отправить кассету с записью организатору фестиваля в Финляндии, и группу пригласили выступить! Мика ликовал. До фестиваля всего неделя оставалась, они репетировали каждый день, но усталости не чувствовали – все были воодушевлены предстоящим успехом, только Саша был какой-то задумчивый, однажды он даже забыл свою партию и остановился в середине песни. Мика ничего не сказал, просто пристально посмотрел исподлобья, но этот тяжелый взгляд был весомее всяких слов: Саша больше не ошибался.

Она думала, что после той волшебной беззвездной ночи на пустынном пляже залива они будут вместе, но Мика решил иначе: «Близнецы могут уйти из группы, если узнают о нас. Не будем ничего менять пока. Сначала заработаем себе имя. Скажешь им после фестиваля, и пусть уходят, я найду музыкантов в Финляндии. Мы больше не вернемся сюда». Злата повиновалась, но старалась под разными предлогами избегать личного общения с Сашей-Пашей. Однажды ей не повезло: она забыла свои ноты в репетиционной. Все уже ушли, один ударник сидел за установкой, и, казалось, был полностью поглощен ритмом. Она тихо взяла тетрадь и хотела также незаметно уйти, но Саша вдруг прекратил играть и окликнул ее.

– Слушай, Дина уехала из-за меня?

– Что? Что за бред? При чем здесь ты?

– Ну вы же были подругами, а теперь она ушла, а ты избегаешь меня. Скажи, Мика знает про нас с ней? Он такой странный, злится постоянно, так что не поймешь из-за Дины или из-за чего другого. А Дина не сказала, куда уехала?

– В Антарктиду, – съязвила Злата. Она начала понимать причину его понурого настроения. – Так это ты приходил тогда к нам в гости!? – то ли вопрос, то ли злое утверждение.

– Ты разве не знала? – Саша был искренне удивлен. – Я, вообще-то, к тебе приходил, но тут Дина... В общем, так вышло. А она ничего мне не передавала?

– Привет! – ехидно отрезала она и вышла из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Скоро Злату ждал еще один сюрприз – в вестибюле общежития ее остановил невысокий мужчина лет пятидесяти с кудрявой седой шевелюрой в сером полосатом костюме и рубашке в мелкую черно-желтую клетку.

– Здравствуйте, Вы, ведь, Войцеховская Злата? – он смотрел на нее снизу вверх.

– Да, а Вы?

– А я папа Дины, Сергей Борисович Малевич. Вы не очень торопитесь?

– Нет, не очень, – вообще-то она очень устала, и ей еще многое надо было обдумать, но Сергей Борисович выглядел так жалко.

– Тогда давайте присядем, – он показал рукой на одну из лавок, стоящих у входа...

Теперь уже он смотрел ей прямо в глаза, и взгляд этот был растерянным, словно, он не знал с чего начать: – Я Вас сразу узнал, – наконец заговорил он, – Мне Дина прислала снимок, – он достал из кармана пиджака знакомую фотокарточку, – Вот: «Две подруги Злата и Дина». А в жизни Вы красивее, чем на фотографии.

– Спасибо.

– Дело в том, что Дина на меня обижена, она считает, что я ее бросил, но это не так, я не мог жить с ее матерью, но дочку никогда не забывал. С недавнего времени я стал надеяться, что все у нас наладится. Дина прислала мне письмо, вложила фотографию, рассказала, что поет в группе и скоро будет знаменитой. Я был так рад, тут же написал ей, позвал в гости, сказал, что у нее есть брат, они почти ровесники, и он очень хочет с ней познакомиться, а моя жена Софья ничего не имеет против нашего общения, и радостно примет ее в нашем доме. Прошел месяц, но Дина так и не ответила мне. А вчера я, вдруг, получил от нее телеграмму, она пишет, что уезжает в Финляндию, и больше мы не увидимся. Она даже не хочет попрощаться, наверное,

обида снова разыгралась в ней, когда она узнала, что у меня есть сын. Ее можно понять, мальчик живет в семье, в любви и достатке, а она всю жизнь ютилась среди табора из многочисленных мужей и детей ее непутевой матери. Злата, я всю жизнь втайне от жены откладывал деньги для Дины. Вот, – он достал из кармана пиджака толстый конверт, и протянул его девушке, – Отдайте моей дочке, ей пригодится там, куда она собирается. Скажите Дине, что я ее люблю. Я знаю, Вы все передадите, Дина писала мне, что Вы добрая и честная девочка, я и сам теперь вижу. Попросите, пусть она черкнет мне пару строчек оттуда. До свидания, Злата. Спасибо Вам, – он с трудом поднялся, потер руками большие колени и, хромая, пошел к автобусной остановке.

Злата застыла, глядя ему вслед. Она знала, что Дина больше никогда не напишет своему отцу ни строчки – «оттуда» не пишут писем и не дают телеграмм. Слова Микаэля, как ядовитые иглы поднимались из глубины памяти и впивались в ее мысли, она с болью осознавала их истинное значение: «...Ее больше не будет с нами. От нее ничего не останется, даже воспоминания, даже голоса на пленке. А я еще напишу настоящие песни...». Теперь Злата знала цену «настоящим» песням, но она также знала: чтобы ни случилось, она никогда и никому не откроет Его тайну.

Микаэль был в доме один. И почему он так боялся одиночества? Оно, как сказочная страна, в которой ты правитель и которую ты можешь населить подвластными лишь тебе образами и мечтами. С наступлением осени мать и отчим уехали в город, а он остался здесь. В доме нет телефона, двери заперты накрепко, и никто не сможет вторгнуться сюда и помешать им. Он знал, что должен загладить свою вину перед Ней, но боялся снова встретиться с деянием своих рук. С того самого дня, как он нанес Ей эти раны, ему не хватало духу подойти к старому шкафу и достать оттуда черный чехол, где стыдливо прятала свое изувеченное тело его Каллио. Но сегодня он нашел в себе силы: взял ее на руки, бережно положил себе на колени и долго гладил ее и нежно перебирал струны, приговаривая: «Прости меня, Каллио. Прости меня, моя Айно*. Я все исправлю, и больше никогда и никто не встанет между нами». Каллио отозвалась ему жалобным звуком лопнувшей струны. Все произошло так быстро, острая боль прожгла руку, вены лопнули, красная кровь хлынула на острые колки, заструилась по длинному тяжелому грифу и оросила свежие сколы на черном лаковом теле. Каллио отомстила ему за предательство.

Глава 5

Павел очень любил свою маму. Ему еще не было девятнадцати, когда отец умер от инфаркта. Папа был деканом факультета архитектурного института, а мама работала там же преподавателем технического рисунка. Маме нравилась ее работа, но после смерти папы выяснилось, что зарплата тоже имеет значение. Маминой зарплаты на двоих не хватало. Павел решил бросить учебу в Университете и пойти на завод слесарем, но мама наложила категоричное вето на его решение: «Я буду голодать, но мой сын никогда не будет работать слесарем. Мой сын будет образованным человеком!». Они не голодали, Софья Павловна научилась шить модные платья и, приходя вечером с работы, до самой поздней ночи строчила на машинке. Двоюродная сестра Лола еще с университетских времен дружила с девочками из хороших семей. Повзрослевшим девочкам и их дочерям хотелось носить платья «не как у всех», был спрос, были средства, но с «предложением» было туговато. Лолита на себе демонстрировала работу сестры, и заказы на штучный товар сыпались градом, только успевай кроить и строчить. Софья Павловна научилась где-то доставать дефицитную ткань, и цена на ее изделия сразу же повысилась почти в два раза. Павел никогда бы не подумал, что портниха может зарабатывать больше, чем декан, но так и было. Они с мамой не зажили на широкую ногу, но два печальных слова – «не хватает» исчезли из их жизни, и мама стала часто ходить по ювелирным магазинам: она не верила сберегательным кассам, и предпочитала превращать свой труд в золотые изделия.

Софья Павловна очень любила свою двоюродную сестру, на похоронах Лолиты Львовны ей стало плохо, она чуть было не упала в яму свежеприготовленного последнего пристанища.

Павел Сергеевич Штейгер вспоминал другие похороны: когда почти тридцать лет назад опускали в землю гроб с телом его отца, мама стояла бледная, но спокойная. «Павел, – сказала она тогда сыну, – Ты должен взять фамилию своего деда. Твой дед Павел Штейгер был честным и порядочным человеком, я хочу, чтобы ты вырос похожим на него!». При жизни отца мама ни разу не обмолвилась о своей обиде, но, как известно, обида не теряет со временем своей остроты, а месть вкусна даже холодной. Павел не посмел перечить матери, только спрятал подальше фотографию сестры и ее подруги, найденную в кармане отцовского пиджака...

Ночная птица сова, вынужденная каждый день ни свет ни заря покидать свое дупло, по утрам чувствует себя очень неуютно, особенно, если кругом порхают и кричат бодренькие жаворонки. Мысли о великих свершениях и силы на них приходят к сове во второй половине дня и нарастают с приближением ночи, но бедная птица вынуждена жить по законам стаи жаворонков, и по утрам, когда ее никто не видит, она пьет чай с козинаками и клюет носом...

Лолиты Львовны больше нет, и Миле даже немного жаль взбалмошную старушеницу, но зато теперь она совсем одна в кабинете, и может без опаски вздремнуть, положив такую тяжелую в буднее утро голову на рабочий стол. Сквозь сон она услышала, как кто-то зашел в кабинет и закрыл дверь на замок. «Главный!»: – испуганно подумала она и захотела проснуться, но не получилось. Проснулась она от того, что кто-то со всей силы стучал в дверь.

– Мила, ты спишь на работе? А если бы Павел Сергеевич захотел сюда зайти, а ты тут закрылась и храпишь? Попало бы тебе! – за дверью стояла дочь Главного Тоня и шуточно грозила наманикюрным пальчиком.

– Привет! Да я просто музыку слушала в наушниках. А закрылась, наверное, машинально, «Я что с ума схожу?»: – подумала Мила, она точно помнила, что не закрывала дверь.

– Да ладно тебе, Мил, я не выдам, мы же подруги. – Тоня впорхнула в кабинет, взяла старухин стул, и приставила его к столу Людмилы. – Угостишь чаем? Я конфеты принесла. Столько всего происходит, тетушка так внезапно приказала долго жить, а отец молчит как рыба. Я даже не знаю, что с ней случилось. И ты какая-то странная вернулась, расскажи, как съездила? – Тонечка, наверное, хотела вызвать ее на откровенность своей болтливостью, но

Мила вовсе не горела желанием посвящать главную сплетницу редакции в подробности своей командировки. Она думала, как бы перевести разговор на другую тему, в задумчивости обожала взглядом комнату, и снова поймала себя на мысли, что с ней что-то не так: на столе Лолиты Львовны лежала тонкая синяя папка. Мила не знала доверять ли ей теперь своей памяти, но все же она была уверена, что утром папки на столе не было.

– Это твоя папка? – спросила Мила у Тони, оставив без внимания ее болтовню.

– Нет, я ничего сюда не приносила, кроме конфет, – весело ответила Тоня. – Чайку-то попьем?

– Ага, – Людмила встала из-за стола и направилась к синей папке. Внутри лежали старые трухлявые картонки желто-серого цвета размером с альбомный лист, под названием «Учетная карточка студента». Черные строчки карточек были исписаны неразборчивым почерком, а в левом верхнем углу помещалась фотография паспортного формата. Пять черно-белых лиц. Двоих из пяти она тут же узнала: молоденькая Злата и загадочный отец Даниэля, Микаэль Лахтинен – сходство было просто поразительным. Она без труда догадалась, кому принадлежат еще две карточки: Александр и Павел: одно лицо. С пятого снимка улыбалась очень красивая девушка...

– О! Это же Дина, сводная сестра папы. Она пропала без вести. Откуда у тебя ее фотография? – удивленно воскликнула подошедшая Тоня.

«Да, действительно, откуда? – подумала Мила, – Или я схожу с ума, или пора начинать верить в потусторонние «субстанции», что, в общем-то, одно и то же...»

Когда они прощались, Даниэль с надеждой вручил ей свой номер телефона. Она смяла блокнотный листок и засунула в один из многочисленных карманов сумки, подумав, что никогда не будет звонить ему, а бумажку потом выбросит. Но не выбросила, и теперь вот звонила.

– Привет! Как ты?

– А, это ты, – он отвечал недовольным голосом обиженного ребенка.

– Да я, – Мила растерялась, она – то думала, он обрадуется, все-таки он к ней неровно дышит. – Как прошли похороны? – она решила проявить в нем участие.

– Не знаю, я не ходил, – ехидство так и выпирало сквозь его показное равнодушие.

– На похороны матери! Почему?

– Ты еще спрашиваешь! – он перешел на повышенный тон. – Хватит с нее и того, что мне пришлось все оплачивать, половине города теперь должен. Эта кукушка бросила меня, скрыла правду о моем отце, а теперь еще и лишила меня наследства своим завещанием. И кому же она все оставила? Своей новой знакомой Людмиле Мартовой, которую и знала-то всего ничего!

– Как это?

– Да вот так, сразу после похорон к нотариусу, а там: «Сюрприз!».

– Ты же не был на похоронах?

– Был, – устало ответил он, – Я один там и был. А вот новоиспеченной наследницы что-то не заметил. Приезжай, надо все уладить.

Под угрозой армии, да и не только, ему очень хотелось покинуть Родину. Он уже спал и видел, как мамино гражданство и деньги помогут обрести творческую свободу и пристанище где-нибудь в Западной Европе. Впрочем, ребенок-космополит был согласен и на мамину – Восточную. Главное – Европа. Но судьба распорядилась иначе...

Мила затосковала по своей прежней размеренной жизни. Работа, встречи с подругами в кафе по вечерам, даже редкие свидания, от которых не было никакого толку, кроме тем для обсуждения с подругами: все это сейчас казалось таким правильным. И чем она была недовольна? Ее жизнь была серой и обыденной, дни и вечера, похожие один на другой? Ну и что, зато по ночам она могла мечтать о том, чего ей так не хватало: о приключениях, встречах с интересными людьми и о том, что ее полюбит кто-нибудь особенный, не такой, как все. Но когда ее желания начали исполняться, она очень быстро от них устала.

Девушка сидела в приемной у Главного и ждала, пока он закончит встречу. Мила покраснела, чуть ли не раскалилась от обиды: «Вся эта история с самого начала была шита белыми нитками. Откуда он мог знать, как выглядит пани Войцеховская, если ни разу не видел ее? А где он мог ее увидеть, если группа ни разу не выступала? Вот хитрый жук!». Наконец дверь открылась, выпуская посетителя из рекламного агентства. Мила едва дождалась, когда он покинет приемную, ворвалась в кабинет, и захлопнула за собой дверь.

– Павел Сергеевич, если Вы хотели, чтобы я разузнала все про Вашу сестру, надо было прямо сказать!

– А ты разузнала хоть что-нибудь? – он говорил спокойно, не отрываясь от чтения своих бумаг.

– Нет, но, – такого ответа Мила не ожидала, весь ее пыл испарился. Она, хотела рассказать ему о таинственной папке, но в последний момент передумала, незачем откровенничать с человеком, который сам скрывает правду, – Лолита Львовна приказала долго жить, пани Злата тоже, и Вы сами сказали: «Возвращайся».

– Как бы тебе объяснить, чтобы ты не сочла меня умалишенным. Ты же, скорее всего, не веришь в таинственные силы. Я тоже не верил, пока сам не столкнулся. А теперь я связан обещанием. Мой отец очень обиделся на меня, когда я отказался от его фамилии. Знаешь, если мертвые обижаются на тебя, с тобой может произойти все что угодно. Однажды отец приснился мне и я спросил, что нужно сделать, чтобы он меня простил. «Верни мне мою девочку»: – сказал он. А девочка погибла, и бродит неприкаянная среди живых, ищет расплаты. Непростая задача убедить такую девочку отказаться от мести и направить призрачные стопы свои к Небесам. Ей нужно что-то большее, чем смерть обидчика. Вот я и хотел понять, что ей нужно?

– А почему бы не спросить у нее самой? Зачем же такие сложные обходные пути? – с издевкой в голосе спросила Мила. – Ведь Вы же запросто болтаете со своим преставившимся папой.

– Все! – рявкнул он, – Тема закрыта! Иди!

– Мне нужен отпуск на неделю с завтрашнего дня, – Мила протянула ему бланк заявления.

– Да хоть на две недели, – он быстро поставил в правом углу свою размашистую подпись.

Даниэль встретил ее на вокзале: – Здравствуйте, мисс Ротшильд! Что же вы в к нам на поезде, а не на своем личном самолете? Машина уже подана, извините, что не лимузин. Чем богаты, тем и рады!

– Не язви. Мне не нужно твое наследство, я приехала, чтобы во всем разобраться.

– Разберешься! Mamочка тебе письмо оставила, у нотариуса.

Шел затяжной сентябрьский дождь, старая машина тряслась и подпрыгивала на многочисленных ухабах и, собирая лобовым стеклом крупные капли, неслась навстречу мокрым серым дорогам. Две гостиницы остались позади.

– Куда мы едем? – Милу начало мутить от такой езды и стойкого запаха бензина и пота в салоне, ей хотелось знать как далеко еще до пункта назначения.

– К Дементею, – Даниэль кивнул на своего приятеля за рулем, я сейчас у него живу.

«Нормальные имена уже запретили?»: – подумала Мила, – А почему к Дементею, а не в гостиницу?

– Нет уж, дорогуша, я тебя одну не оставлю, пока ты отказ от наследства не напишешь. Ты девушка шустрая, сгоняешь к нотариусу без меня, оформишь на себя мамочкино добро, и ищи тебя потом, – сказал Даник, а его бессловесный приятель солидарно кивнул головой.

– Самое смешное во всем этом то, что несколько дней назад ты клялся мне в любви, а теперь из-за каких-то денег...

– Любовь любовью, а деньги деньгами, – оборвал ее Даниэль. – Деньги – это свобода, а любовь – это узы, – многозначительно произнес он, и его молчаливый приятель снова согласно кивнул.

– Я не останусь в квартире одна с малознакомым мужчиной и его сомнительным товарищем! Вид у вас не очень-то, – она презрительно смерила взглядом длинные сальные патлы Дементя, его исколотые сережками уши и замызганные растянутые кожаные портки.

– Что за грязные мысли, Мила? Дементей, между прочим, человек женатый. А я на твою честь покушаться не буду, у меня нет проблем с девушками, всегда находятся те, что хотят того же, чего и я.

– Могу себе представить этих тех. Женский вариант Дементя, наверное. Ты же человек «широко известный в узких кругах».

– Да я тебя держать не буду! – Даник начал выходить из себя. – Завтра оформим все бумажки, и до свидания! Будешь еще учить меня жить! Вот получу наследство, уеду в Европу и соберу там группу. Ты еще про меня узнаешь! Увидишь тогда моих девушек по телевизору.

– Все с тобой ясно, – Мила устало откинулась на потертую спинку заднего сиденья. – Там хоть помыться-то можно по-человечески?

– Приехали, – густым басом возвестил Дементей.

Женский вариант Дементя под названием Лоризель (Ира) стоял на маленькой прокуренной кухне двухкомнатной квартирki с видом на помойку и забрасывал в огромную кастрюлю с кипятком четвертую пачку пельменей.

– Вы пива купили? У нас сегодня квартирник! – радостно возвестила Лоризель. – Скоро ребята придут! Там такие мальчишки есть, – она серьезно затянулась вонючей сигаретой, – Музыканты, очень талантливые. – Куришь? Мила отрицательно замотала головой, и почитательница талантов продолжила:

– Жаль, что я замужем, а ты занятая. Демка у меня хороший, спокойный, выпивает в меру, все в дом: машину вот купил. Но нет в нем этого, ну ты понимаешь, ну чтобы внутри все прожигало. А вот твой такой классный, красавец, талантливый. Где вы познакомились? Ты, вообще, кто? Я – светлый эльф. Она откинула выкрашенные в красно-рыжий цвет волосы и продемонстрировала Миле торчащие вверх куски пластыря на ушах, расписанных «под хохлому». Дементей – темный эльф, видела у него сзади хвост на цепочке?

Милу уже тошнило от всего этого:

– Ира, есть чистое полотенце? Я хочу помыться. «Если это и есть интересные творческие люди, то лучше уж с такими не встречаться, а провести свою жизнь среди обывателей, которые выгодно отличаются тем, что не прикрывают свою никчемность внешней мишурой, типа остроконечных ушей из пластыря и хвостов бедных животных на драных кожаных штанах с облезлыми цепями»: – подумала она. Ей, даже, стало жаль Даниэля, она-то скоро уедет отсюда и забудет все это, как кошмарный сон. А он останется, и даже деньги не помогут ему вырваться из окружения этих существ. Не будет никакой Европы, скорее всего, все наследство уйдет на травку, пиво и пельмени для эльфов всех мастей. Она могла бы его спасти, вытащить отсюда и увезти с собой, может быть, при надлежащем обращении из него и вышло бы что-нибудь путное. И она так и сделала бы, будь ей глубоко за тридцать пять; но она еще не перешагнула тридцатилетний рубеж, и лелеяла в сердце мечту о прекрасном рыцаре без страха и упрека, который свалится на нее вместе с белым конем, и унесет в свою сказочную страну, где есть дворцы, море и пальмы в цветах. «Ну а если этого не случится, то уж лучше быть одной...»

Время шло к полуночи, а эльфы и «талантливые» все прибывали и прибывали, принося с собой бутылки с «жидким хлебом». Вечеринка только начиналась. Кто-то горланил идиотские песни под расстроенную гитару, кто-то мимо нот «подыгрывал» на флейте, некоторые играли в какие-то «волшебные» карты, ржали, как табун лошадей и общались между собой «веселыми словами», пытаясь переорать «живую музыку». Остальные, преимущественно дамы, закрылись

на кухне и в густом табачном дыму вели великосветские беседы о том, как тесен их маленький эльфийский мирок, где все эльфы уже не первый круг ходят по рукам друг друга, и так сложно понять: кто? когда? и с кем? Но нужно понять, чтобы знать с кем и против кого дружить.

Понятно, что, несмотря на всю свою усталость, плотно закрытую дверь и подушку на голове Мила не могла уснуть в этом волшебном притоне.

Сделав три предупредительных стука, но, не дождавшись ответа, в комнату вошел Даниэль.

– Не спишь? – он присел на край кровати.

– Глупый вопрос.

– Я принес тебе портер, выпей, – он протянул ей пластиковый стакан, наполненный темным пивом.

– Не хочу.

– Поможет заснуть.

– Давай, – Мила приподнялась и протянула руку. – Может, хоть голова пройдет, – осушив стакан, она вернула его Данику, тот смял его и выбросил куда-то в темный угол.

– Знаешь, а я в последнее время, вообще, плохо сплю. С тех пор как мама умерла, кошмары какие-то снятся, как будто я хочу кого-то убить, бегу, догоняю и... руки в крови, в руках черная гитара тоже вся в крови. А еще знаешь, ко мне во сне песни приходят, такие красивые, но когда просыпаюсь, не помню ничего. Чего молчишь, Мила, Мила? А, ты спишь. Ну спи, – он поправил ей одеяло и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

– Нет, все-таки, он – хороший мальчик, – думала Мила, засыпая. – От крепкого пива она стала излишне сентиментальной, – Просто ему не повезло в жизни. Завтра я ему расскажу, кто его отец. Он, наверное, обрадуется, сможет уехать в Финляндию. Это такая красивая, спокойная и богатая страна, и там очень любят мрачных рокеров.

Мила проснулась ночью то ли от головной боли, то ли от странного предчувствия. Черная кошка сидела около кровати и недобро смотрела на нее светящимися в темноте глазами. Она уже собралась, готовая к прыжку, кошка метила куда-то в область ее шеи. Девушка заорала, так, что вздрогнули даже уснувшие любители шумных пьяных сборищ. В комнату вбежал полуголый Даниэль, он единственный из всех смог бодро подняться на ноги.

– Что случилось?! – он включил свет.

– Кошка, черная кошка! Здесь сидела кошка, – Мила показывала рукой на опустевшее место. Ни под кроватью, ни в углу за шкафом, ни в шкафу кошки не оказалось...

Миле хотелось скорее покинуть «нехорошую квартиру». К нотариусу они приехали за полчаса до начала рабочего дня, но у закрытых дверей конторы уже переминались с ноги на ногу две бодренькие бабушки, обсуждая между собой все тонкости наследственных дел. Одна из них пришла на прием первый раз, а другая уже десятый раз переписывала завещание, выстраивая таким образом "правильные" отношения в своей семье. «За мной будете!» – сказала она Данику. Мила обреченно поняла, что быстро закончить здесь не получится. К моменту открытия очередь выросла до десяти человек, и все они «радостно» общались между собой, как старые знакомые. Утром у Милы просто болела голова, теперь в ней начали бить огромные и частые фонтаны сжимающей виски боли. «Что я тут делаю?, – подумала девушка, – Как меня угораздило вляпаться во все это?».

В маленькой приемной было душно, темно и не было места, куда можно было бы присесть. «Это чистилище, – поняла Мила – Все собравшиеся тут грешники, они в чем-то провинились и должны страдать. И я виновата в том, что была такой глупой и самоуверенной!». Наконец, спустя сорок минут после открытия, подошла их очередь.

– Читайте письмо, – строго сказала Миле нотариус, женщина, давно перевалившая за тридцать пять.

– Нам бы побыстрее отказ сделать, – вкрадчиво заговорил Даниэль, – девушка на поезд опаздывает.

– Нельзя, – нотариус извинительно улыбнулась ему. – Она должна сначала прочитать письмо, это обязательное условие завещания, – нотариусу эффектный молодой человек был симпатичен, но не настолько, чтобы рисковать ради него работой. Умные женщины между мужчинами и работой всегда выберут последнее. Мужчина – это узы, а работа – деньги. Деньги – свобода. Узы – для слабых женщин, свобода – для сильных.

– Здесь не надо читать, – женщина-нотариус окончательно определилась с выбором, – У меня очередь. Идите домой, читайте. Завтра придете.

Глава 6

«Здравствуй, Мила. Надеюсь, ты прочтешь мое письмо и все поймешь. Ты мудра, ведь ты уже познала разрушительную силу любви. Мужчина, которого я любила и от которого родила ребенка, был Гением. Как это часто бывает, лишь тонкая грань лежит между одаренностью и сумасшествием. И когда эта преграда ломается, они, как два моря, долгое время разделенные узкой косою суши, яростно бросаются в объятия друг друга и сливаются в единый океан. Дина Малевич своим предательством окончательно разрушила и без того хрупкую стену в Его сознании. Он нашел свое вдохновение в ее смерти, и теперь ее субстанция жаждет мести. Микаэль погиб, но ей хочется более страшной кары для него – забвения. Вот уже без малого тридцать лет Дина пытается сделать так, чтобы никто не узнал его имени. Ради этого она убила близнецов и меня бы убила, но я в то время носила ребенка, и она сжалилась. Я поклялась, что буду молчать. Этого ей было мало: «Своим «молчанием» ты однажды помогла ему убить меня, ты должна страданиями искупить свою вину!». Она велела мне расстаться с ребенком.

Много лет я искала способ справиться с ней, пока однажды не увидела во сне субстанции близнецов, они обещали помочь мне. Магическое число два – число близнецов хранило меня, но раз ты читаешь это письмо, значит, я где-то ошиблась.

Когда я узнала, что сын решил посвятить себя музыке, мне стало страшно. Я поняла, что субстанция Микаэля где-то рядом с ним. Долгие годы Он страдает – Микаэль хочет выбраться из пучины безвестности, прежде чем оставит этот мир!

В моем сейфе вместе с деньгами хранится предмет, который принадлежал Микаэлю. Он очень любил эту вещь, и я из слабости сберегла ее для себя, как память о Нем. Она хранит его последние прикосновения, вместе с Его кровью. В ней осталась Его душа. Спрячь ее куда-нибудь до лучших времен, Даниэль не должен пока прикасаться к ней, иначе его коснется дух Микаэля, и тогда Дина начнет охоту на моего мальчика. Может быть когда-нибудь, если она уйдет, Даник сможет воплотить в себе мечты своего отца.

В свое время я помогла тебе, надеюсь, ты отплатишь за добро добром. Я оставила все деньги тебе, чтобы у мальчика не было проблем, но когда вы с Даником поженитесь, все будет общим. Я знаю, плохое вот-вот случится, но мне не страшно. Я сделала все что могла, я все успела. Прощайте, до встречи в лучшем мире...»

«Ничего себе, – подумала Мила, – Помогла она мне, «спасительница»! Без меня меня женила. И сына своего готова на заклятие отдать, лишь бы злему Гению помочь. Сумасшедшая... Да, тут самой умом тронуться недолго».

– Чего пищет-то? – Даниэль зашел в комнату – любопытство оказалось сильнее гордого презрения умершей мамочки.

– На почитай! – Мила бросила ему исписанный листок. – В двух словах не расскажешь.

Даник потянулся за письмом, взял его в руки, но успел прочитать лишь несколько строчек. В комнату ввалился темный эльф Дементей, который после вчерашнего великого праздника был больше похож на лешего.

– Там это, Ирке плохо совсем, – хрипло промямлил он. – Может, ей чего надо дать, а я не разбираюсь.

Вид у светлой эльфийки Лориэль был совсем не эльфийский, даже и не человеческий. Лежала она бледная с закотившимися глазами на полу, в собственных естественных отправлениях, возила головой по ковру и бессвязно мычала, извергая при этом изо рта обильную белую пену.

– Чего же Вы стоите и смотрите, идиоты!? Вызывайте скорую! – Мила очень испугалась, ей еще не доводилось наблюдать своими глазами, как человек превращается в ничто.

– Нельзя скорую, – сказал Данила, – Я такое уже видел, это наркотики. Нас всех заберут, и пришьют дело. Я и так уже у них на учете стою, после мамочкиной смерти, они думали, я ее отравил ради наследства, хорошо, что не я наследником оказался. Странно, что тебя еще не вызывали. Мил, у тебя как с деньгами?

– Немного есть.

– Давай все что есть, – он повернулся к Дементю, – Заводи мотор, повезем в частную больничку.

Вдвоем они вынесли девушку и уехали, Мила осталась в «нехорошей квартире» одна. «Теперь у меня даже нет денег, чтобы вернуться домой, – подумала она, – Придется звонить Главному, унижаться». Но это потом, первым делом она открыла настежь окна, вымыла ковер и отправилась в душ, чтобы по возможности смыть с себя все: зловоние и тяжелые впечатления прошедших суток. Ей действительно стало легче, но лишь после того как она, стоя под струями теплой воды, разрыдалась в голос от накопившейся из-за недосыпа и всех свалившихся на нее событий, усталости. После она вернулась в отведенную ей комнату и упала на кровать, успев заметить, что письмо панночки, валявшееся тут прежде, исчезло. «Наверное, Даниэль забрал»: подумала она и уснула.

Сквозь сон она услышала, как кто-то тихо зашел в комнату. Она приоткрыла скованные дремой глаза: «Это ты. Уже вернулись, как она?» Движения его были мягкими и бесшумными. Он опустился на кровать рядом с ней. Мила хотела отодвинуться, но не смогла пошевелиться. «Не бойся, мой Ангел»:– он поцеловал ее. Нет, это не Даник. Губы были ледяными, глаза залиты чернотой, прикосновения оставляли на коже следы влажного тумана. Мила хотела бежать, но с ужасом увидела, как ее руки вместо того чтобы оттолкнуть, притягивают его к себе. Нет, это не ее руки: смуглая кожа, маленькие ладони, тонкие пальцы унизаны золотыми кольцами. Ее длинные черные волосы сплетаются с его длинными светлыми волосами. Его руки касаются ее шеи, и медленно-медленно сжимаются в тугое кольцо.

– Мила, Мила! – Данила тряс ее за плечи. – Мила, просыпайся! Надо уезжать отсюда!

– Что случилось? – она открыла глаза, очень сильно болела шея, из сдавленного горла вместо голоса вырывалось хриплое сипение.

– Мы попали в аварию! Мотоциклиста сбили. У Демы рука и нога сломаны, с Ирккой совсем беда, мотоциклист без сознания. Я тоже прикинулся пострадавшим, чтобы показания не давать. Нас всех на скорой увезли, Демке тест на алкоголь сделали, результат положительный, наверное, со вчера еще осталось. Я прямо из травмпункта сбежал. Короче, собирайся, сейчас сюда полиция приедет, надо сматываться.

– Боже, а как это случилось? Виноват-то кто?

– Ты не поверишь, черная кошка появилась прямо из воздуха и прыгнула на лобовое стекло.

– Я верю. Сейчас, – через пять минут она была готова. – Куда поедем?

– К тебе, в Москву.

– А нотариус?

– Успеется.

Старый вагон поезда трясся и наполнял купе встречным ветром из всех своих щелей. Мила пила горячий чай и пыталась рассмотреть в окне за светом ночных фонарей, убегающий от нее город. «Гораздо лучше было на самолете, за счет фирмы»: – поживаясь от холода думала она. Данила считал деньги, оставшиеся от покупки билетов.

– Мил, есть хочется. Пойдем в вагон ресторан.

– Докатилась, на мои же деньги меня в ресторан приглашают.

– Не на твои, – огрызнулся Даник. – Это в долг. Я все верну, когда получу наследство.

– А с чего ты взял, что ты вообще что-нибудь получишь? Ты внимательно прочитал письмо?

– Забыл совсем. Дай, дочитаю. Давай письмо, чего сидишь! – он начал выходить из себя. –
Уж не собираешься ли ты все заграбастать?

– Я думала, ты забрал письмо. В комнате его не было.

– Не забирал я ничего! Когда мне читать-то было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.